

УДК 94(470+571)''17''
ББК 63.3(2)513-3

ФРАНЦУЗСКИЕ ЭМИГРАНТЫ ПРИ ДВОРЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Е.П. Пискунова

В статье рассматривается положение французских эмигрантов при дворе Екатерины II. Автор определяет степень влияния, которое они оказывали на формирование российской политики в отношении французской революции.

Ключевые слова: Франция, Россия, французская революция, Екатерина II, монархия, эмиграция.

Французская революция стала серьезным потрясением в экономическом, политическом и социальном плане. Она влияла на судьбы людей, разрушала привычный образ жизни и устоявшиеся представления, пробуждала не только надежды, но и ненависть, категорическое неприятие. Одной из форм такого неприятия, характерных для Франции перемен, стала эмиграция.

Эмиграция берет свое начало в июле 1789 года. Через несколько дней после взятия Бастилии страну покинули граф д'Артуа, принц Конде, герцог де Полиньяк, маршал де Брольи со своими семьями и приближенными. Они положили начало дворянской эмиграции, вторая волна которой последовала осенью 1789 г., после того как поход народных масс в Версаль 5–6 октября, заставивший короля и Учредительное собрание переехать в Париж, показал зависимость королевской власти от народа. Эта первая эмиграция не была нелегальной. Напротив, она была как бы проявлением той свободы воли, которую повсеместно провозглашали. Лица, которым не нравилось взятие Бастилии и последовавшие за этим события, имели полное право выехать за границу, получив согласие общественных властей.

Большая их часть собиралась в Турине вокруг графа д'Артуа. Они выражали недовольство сложившейся во Франции ситуацией и обращались за помощью к иностранным державам, призывая их силой оружия нака-

зать непокорных французских подданных. Неудачное бегство королевской семьи в июне 1791 г. и последовавшие за Варенским кризисом события стали толчком уже к массовой эмиграции дворян. Решением Законодательного собрания эмигранты были поставлены вне закона. 9 февраля 1792 г. был принят декрет о конфискации имущества эмигрантов [17, vol. 1, p. 23].

В апреле Франция объявила войну Австрии. Эмигранты принимали в военных действиях самое активное участие. Однако в этот период их положение оставалось несколько двойственным. Сражаясь против революционной Франции, они тем самым выступали против короля, который являлся конституционным главой государства. Они оправдывали себя тем, что король стал заложником восставшего народа. Что касается Людовика XVI, то вынужденный официально осуждать поступки эмигрантов, он тайне склонялся к союзу с ними. Эта неопределенная ситуация закончилась 10 августа со взятием Тюильери. 21 сентября только что открытый Национальный конвент издает декрет об упразднении королевской власти. Казнь Людовика XVI 21 января 1793 г. придала деятельности эмигрантов достойное оправдание. Отныне это – необходимость положить конец беспорядку в стране и восстановить монархию.

В этот период состав эмиграции значительно расширяется. После 1792–93 гг. в ее рядах оказываются революционные деятели прошлых лет, бывшие депутаты Учредительного и Законодательного собрания, сторонники конституции, выступавшие за ограничение

королевской власти, и даже умеренные республиканцы.

Сведения о численности эмигрантов крайне противоречивы. Разные исследователи называют различные цифры. Их примерное число – от 100 до 150 тыс. человек [17, vol. 3, p. 66]. Сложность подсчета связана с тем, что архивные документы содержат, главным образом, сведения об эмигрантах, поступивших на службу тому или иному государству, списки лиц, принимавших участие в военных действиях, и тех, кто получил разрешение на возвращение во Францию. В эти списки не включались женщины и дети. Те, кто проживал на территории иностранного государства в качестве частных лиц, не поступая на государственную службу, редко где-либо регистрировались.

Наибольшее число эмигрантов обосновалось в Англии – более 25 тысяч человек. Второе место занимала Россия – около 15 тысяч; 8 тысяч эмигрантов находились в Испании, 4 тысячи в Пруссии. Эмигранты проживали также в других германских государствах, в Швейцарии, Швеции, Италии, Австрии, Соединенных Штатах [17, vol. 3, p. 66]. На российской службе находилось 864 человека [1].

Пребыванию французских эмигрантов в России посвящают отдельные главы в своих произведениях французские историки XIX в. А. Форнерон и Л. Пинго [17; 18]. Из российских исследователей о французских эмигрантах в России в царствование Екатерины II писал К.К. Миллер, проводя неизбежные параллели с русской эмиграцией во Францию в 20-е гг. XX века [8]. Мемуары и письма эмигрантов, а также воспоминания Ф.Ф. Вигеля, В.Н. Головиной, записки А.В. Храповицкого предоставляют важный материал о положении французов в России.

По сравнению с соседними с Францией странами, в Россию на первом этапе приезжало сравнительно мало эмигрантов. Многих пугала эта «варварская» страна. Общее число французских эмигрантов в Россию плохо поддается учету. Между тем, именно в России эмигранты могли считать себя в наибольшей безопасности. Страны, пограничные с Францией, в особенности мелкие германские княжества, опасались, что покровительство, оказываемое эмигрантам, навлечет гнев

Французской республики, и вынуждены были принимать разного рода меры против эмигрантов, вплоть до изгнания их из своих пределов. С другой стороны, внезапный наплыв значительного количества иностранцев в эти небольшие государства неизбежно приводил к удорожанию предметов первой необходимости. В России не было оснований опасаться чего-либо подобного. Могущественная Российская империя, удаленная от границ Франции, могла совершенно равнодушно относиться к угрозам революционного правительства. Что касается экономической стороны вопроса, то присутствие даже нескольких тысяч иностранцев в такой стране, как Россия, не могло оказать сколько-нибудь существенного влияния на стоимость жизни и оставалось с этой точки зрения совершенно незаметной.

В петербургском придворном кругу французских эмигрантов встречали очень радушно. В них видели представителей утонченной французской культуры, носителей нравов версальского двора. И конечно, в борьбе между роялистами и революцией симпатии российского придворного общества были на стороне первых. Наконец, сама императрица относилась к французским изгнанникам с подчеркнутым вниманием и сочувствием, что являлось примером для остального общества. Екатерина с самого начала революции являлась защитницей и покровительницей тех представителей французского старого режима, которые вынуждены были бежать из своего отечества. Она принимала все меры, чтобы эмигранты могли устроиться как можно лучше в ее владениях. Императрица не ограничивалась заботами об эмигрантах, нашедших убежище в России. Она любила оказывать также помощь и эмигрантам, пребывающим в других странах. Узнав о бедственном положении того или иного лица, которое Екатерина признавала заслуживающим ее внимания, она посылала ему денежный подарок, а иногда назначала пенсию. Многие обращались к ней с просьбами, но в некоторых случаях она сама разыскивала почему-либо заинтересовавшее ее лицо. Барон Гримм являлся главным распорядителем ее помощи. В его распоряжении всегда имелась особая сумма на благотворительные расходы, на него возлагались все поручения по этой части, о чем свидетель-

ствуют многочисленные указания в письмах к нему императрицы. Иногда она сама представляла ему выбор достойных лиц. «Располагайте векселем на 10 000 по вашему собственному усмотрению... и несомненно, чем большему количеству людей вы поможете, тем лучше» [13, с. 418].

Столь благосклонное отношение к эмигрантам объясняется в первую очередь политическими принципами и симпатиями императрицы. Екатерина называла себя «роялисткой и по званию, и по долгу», не принимала революцию во всех ее проявлениях. Поэтому эмигранты, прямые жертвы революции, пользовались ее расположением. В них Екатерина видела борцов за восстановление монархического строя. «Что меня касается, – пишет она Гримму, – то всем французам, которые мне встречаются, я проповедую объединение на одном принципе: совершенная верность королю и монархии, с этим жить, с этим умереть, и затем я их отсылаю, говоря им: я буду другом и опорой всех тех, кто так думает» [там же, с. 524].

Эмигранты, приезжавшие в Россию, могут быть разделены на две совершенно разные категории. С одной стороны, это были лица или известные императрице, иногда даже прямо ею приглашенные в Россию, или имевшие какие-либо связи или знакомства среди российской придворной или служилой знати. Сами они принадлежали по большей части к высшим слоям французской аристократии. Для таких в России все двери были открыты, они получали доступ на государственную службу и нередко достигали высоких должностей.

Другую категорию эмигрантов составляли те, кто являлся в Россию без всяких знакомств и покровительства. Среди них также было немало представителей старинных французских семейств, но в России их никто не знал. Часто это были лица, которые не смогли устроиться в других странах, и наконец, не видя другого выхода, решивших искать счастья в России. Особенно много их было из Германии. Таким лицам приходилось на первых порах очень тяжело в совершенно чужой и незнакомой им стране. Пред ними открывалась, главным образом, одна дорога – идти домашними учителями в какую-либо русскую семью. Более счастливые устраивались в

столицах в семьях русских вельмож, менее удачливые отправлялись в провинцию и находили пристанище в семьях помещиков. «Скоро в самых отдаленных губерниях всякий небогатый даже помещик начал иметь своего маркиза, – пишет Ф.Ф. Вигель. – Я знал в Пензенской губернии одного г. Жедринского, у которого было не более 300 душ, обремененных долгами. Его сына воспитывал виконт де Мельвиль» [3, т. 1, с. 320]. «Не было у нас для французов середины, – замечает Ф.Ф. Вигель. – Они становились или учителями, или вельможами» [там же, с. 323].

Первыми французскими эмигрантами, принятыми на русскую службу, стали изъязвившее желание участвовать в русско-турецкой войне граф Роже де Дама, граф А. де Ланжерон и герцог А.-Э. де Ришелье. За смелость, проявленную при штурме Измаила, герцог Ришелье был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и золотой шпагой. Несколько месяцев спустя Екатерина писала Гримму: «Единогласны отзывы о нынешнем герцоге Ришелье. Я люблю людей с достоинствами, а потому и желаю ему всего хорошего, хотя и не знаю его лично» [13, с. 522]. Вернувшись во Францию в 1791 г., в связи с болезнью и смертью отца, Ришелье вскоре принимает решение вновь покинуть бунтующую страну. Он выехал из Франции не в качестве эмигранта, а с разрешения Законодательного собрания, по паспорту, выданному Министерством внешних сношений. Предлогом к его отъезду являлось его нахождение на русской службе.

Екатерина одобрила выезд Ришелье из Франции. Прибыв в Петербург, герцог был представлен императрице. Ришелье был зачислен на русскую военную службу с чином полковника и отправлен в армию Конде для участия в походе 1792 года. После неудачной кампании он возвратился в Петербург. А.-Э. де Ришелье пользовался особым доверием императрицы. По поручению Екатерины II Ришелье составил проект о создании в южной России поселения французских эмигрантов из армии Конде [12]. Принцу Конде предлагалось поселиться со всем своим войском на берегах Азовского моря, где для этой цели был бы отведен участок в 630 тыс. десятин земли. Герцог лично отвез этот проект в Кобленц. Но принц Конде его не поддержал. Эмигранты еще надеялись

на скорое восстановление во Франции королевской власти. Ришелье, продолжая состоять на русской службе, участвовал в кампаниях 1793 и 1796 гг. в рядах австрийских войск и только в 1796 г. возвратился в Петербург.

Братья Людовика XVI – Граф Прованский и граф д'Артуа – стремились установить контакты с российским двором и добиться официального признания. С этой целью в Петербург был направлен французский дипломат граф Ф.-Э.-Г. де Сен-При. В 1774 г. он как посредник принимал деятельное участие при заключении Кучук-Кайнарджикского мира между Россией и Турцией, за что был награжден Екатериною II орденом Св. Апостола Андрея Первозванного. Он привез в Петербург письма принцев и был милостиво принят императрицей. Екатерина II направила графа Н.П. Румянцева своим представителем при французских принцах. Графу де Сен-При императрица назначила пенсию в 6 000 рублей ежегодно. Он на несколько лет остался при ее дворе и неоднократно выполнял дипломатические поручения в Вену, Копенгаген и Стокгольм. Позже он перешел на службу графа Прованского в качестве министра двора [19].

В первую половину своего царствования Екатерина II поддерживала оживленные отношения с представителями французской литературы и философии. В последние годы ее правления среди французских эмигрантов, прибывших в Россию, нет ни одного сколько-нибудь известного писателя или ученого. Единственным исключением является Габриэль Сенак де Мельян. Он был известен как автор популярных литературных произведений, а также нескольких исторических работ. Между ним и императрицей завязалась переписка о возможности его приезда в Россию. Екатерина II предлагала ему написать историю России, считая, что взгляд со стороны на российскую историю может быть интересным. Весной 1791 г. Сенак де Мельян прибыл в Петербург и удостоился личной аудиенции. А.В. Храповицкий отмечает в своих записках, что 6 мая Сенак де Мельян, которому назначена пенсия 500 рублей в месяц, беседовал с императрицей более часа [14, с. 242]. Но Екатерина быстро разочаровалась в своем госте. Он стал добиваться высоких должностей, вмешиваться в политическую и дипломатическую сфе-

ру. Она поняла, что кроме больших амбиций он не обладает ни способностями, ни глубоким умом, и перестала принимать его, хотя продолжала вести с ним переписку и выплачивать пенсию [10].

В сентябре 1791 г. в Петербург по поручению французских принцев прибыл граф Валентин Эстергази. «Мне было приказано просить у нее от имени принцев совета и передать ей несколько документов, по которым она могла бы составить себе понятие о положении принцев, братьев короля, и об их планах [здесь и далее перевод наш. – *Е. П.*]» [15, р. 157]. Эстергази было поручено просить императрицу побудить берлинский и австрийский дворы к активным военным действиям, также оказать военную помощь шведскому флоту у берегов Франции и, наконец, просить денег для принцев. Императрица решила подождать с переговорами с Австрией и Пруссией, не дала положительного ответа на вторую просьбу. Деньги же распорядилась отослать немедленно. Екатерина сказала Эстергази, что ведет в интересах французской монархии переговоры с шведским королем о заключении союзного договора, и напомнила, что она уже обращалась и намерена и впредь обращаться с советами и предложениями к европейским монархам, чтобы ускорить восстановление во Франции порядка. Но в целом Эстергази отметил, что Екатерина не стремится отправлять в Европу русские войска [там же, р. 161]. Он покинул Россию в 1792 г. и вернулся вновь уже после казни короля.

В этот период Екатерина считала, что восстановление монархии во Франции возможно только при главенствующей роли принцев-эмигрантов, с опорой на роялистские силы внутри страны и с использованием наемной армии из германских прирейнских княжеств [9]. Императрица считала, что венский и берлинский дворы не должны вмешиваться во французские дела.

Казнь Людовика XVIII произвела на Екатерину сильное впечатление и внесла существенные изменения в ее представления о способах восстановления французской монархии. «С получением известия о злодейском умерщвлении Короля Французского, Ея Величество слегла в постель, и больна и печальна», – отмечает в своем дневнике А.В. Храповицкий [14, с. 281].

8 февраля 1793 г. последовало издание именного высочайшего указа «О прекращении сообщения с Францией по случаю происшедшего в оной возмущения и умерщвления короля Людовика XVI и о высылке французов из России, исключая тех, которые под присягой отрекутся от революционных правил, во Франции распространившихся... Мы почитаем себе долгом перед Богом и совестью Нашею не терпеть между Империей Нашей и Францией никаких сношений» [11].

Согласно этому указу устанавливался целый ряд мер: Торговый договор 1786 г. расторгнут; французским судам запрещен вход в русские порты, а русским купцам запрещено посылать торговые суда во Францию; французские консулы высылались из России в трехнедельный срок; русским консулам и всем российским подданным предписывалось покинуть пределы Франции. Запрещалось также впредь «ездить во Францию или же иметь какое бы то ни было сообщение с французами, в отечестве или же в армиях их пребывающими», а также «ввозить в Россию ведомости, журналы и прочие периодические сочинения, во Франции издаваемые» [там же].

Французам, проживающим в России, указ предоставлял на выбор: или выехать за границу в трехнедельный срок, или, если они пожелают оставаться в России, принести присягу в том, что они не признают революционный строй и остаются верными законному королю.

Въезд в Россию французам был воспрещен, за исключением тех, «которые чужды были неистовства своих соотчичей, похотят жить при исполнении природной их христианской веры под защитою наших законов, но и таковые не инако впускаемы быть должны, как по свидетельству французских принцев, и, именно, обоих братьев покойного короля, графа Прованского и графа д'Артуа, також принца Конде, и по предварительному чрез ближайших наших министров испрошения дозволения нашего на прибытие таковым в Россию для вступления в службу или же для художеств и ремесел, с тем, что по въезде их в границы наши обязаны они учинить сказанное в сем указе под присягою отрицание» [там же].

Через несколько дней после обнародования этого указа началось приведение к прися-

ге французов, желавших остаться в России. Во всех городах, где проживали французы, начиная с Санкт-Петербурга и Москвы, были назначены для этого особые дни и часы. Полиции было поручено заранее составить списки французов. Затем в зависимости от их количества французов делили на несколько партий. Почти все проживающие в России французы выразили желание остаться и принести требуемую клятву. Число присягнувших можно определить примерно в 1 500 человек обоего пола. Отказавшихся принести присягу было сорок три человека [8, с. 226].

Граф Прованский и граф д'Артуа возлагали большие надежды на помощь России в восстановлении монархии во Франции. Граф д'Артуа решил лично отправиться в Петербург весной 1793 года. Он прибыл в столицу 12 (23) марта. На следующий день состоялся торжественный прием принца при дворе. Екатерина проявляла к нему большое внимание. И императрица, и граф д'Артуа старались друг другу понравиться, и оба были уверены, что полностью в этом преуспели. Принц писал из Петербурга своему другу графу де Водрейю: «Мне кажется, что я нахожусь здесь у какой-то феи» [20, vol. 1, p. 118]. «Клянусь тебе, – пишет он позднее, – что, в особенности за последние дни, я смотрю на нее не иначе, как на ангела... Я уверен в том, что вел себя хорошо и что я лично имел довольно большой успех» [там же, p. 123].

Принц нравился императрице своими манерами, но она его не переоценивала и ничего не говорила о его способностях. В петербургском высшем свете граф д'Артуа пользовался большим успехом.

Екатерина дала обещание профинансировать возможную экспедицию французских эмигрантов и английского отряда в Нормандию, если такое мероприятие состоится. Она собственноручно написала письмо английскому королю и отдала соответствующие распоряжения русскому послу в Лондоне – графу С.М. Воронцову. Для отправки графа д'Артуа в Англию было приказано снарядить фрегат и корвет. Отъезд принца был назначен на 15 (26) апреля. Перед отъездом граф д'Артуа удостоился особой чести. Императрица пожаловала ему почетную золотую шпагу с составленной ею самой надписью: «С Богом за ко-

роля». Принц и лица, состоявшие при нем, были щедро одарены деньгами [16, р. 237].

В последние годы царствования Екатерины три французских эмигранта занимали особое положение при дворе императрицы. Это были граф Эстергази, маркиз А.-Ж. де Ламбер и граф М.-Г.-Ф. де Шуазель-Гуффье. К этому триумvirату, как их называли, должны были обращаться все их соотечественники, желавшие быть представленными ко двору. От их расположения зависело очень многое для тех эмигрантов, которые приезжали искать счастья в Россию.

Граф Эстергази, вернувшийся в Россию в 1793 г., занял при дворе Екатерины прочное положение. Он был принят в круг ее ближайших друзей и пользовался большим доверием императрицы. Эстергази отличался изысканными манерами, остроумием и умением вести беседу. Екатерина доверяла его мнению относительно приезжавших в Россию французов. Хотя сам граф утверждал, что, несмотря на милостивое отношение к нему императрицы, пребывание при дворе было ему в тягость по причине бесчисленных просьб, с которыми ему приходилось к ней обращаться от лица эмигрантов, а также неосмотрительного поведения многих французов, за которых он считал себя ответственным. Кроме того, его жена оставалась в Германии и, несмотря на его постоянные просьбы, не желала переезжать в Россию [16]. При Павле I Эстергази попал на некоторое время в опалу, потерял все имения, подаренные ему Екатериной, но затем был прощен. Император пожаловал ему другое имение в Польше, где граф Эстергази и жил с семьей до своей смерти в 1805 году.

Граф де Шуазель-Гуффье, бывший посол Франции в Турции, прибыл в Россию в 1792 году. Он был хорошо известен как искусный дипломат, ученый-путешественник и автор исторических сочинений. «Ему дают пенсию, как Сен-При и Сенак-де-Мельяну», – отмечает 19 июня 1793 г. в своем дневнике А.В. Храповицкий [14, с. 288].

Первое появление графа де Шуазеля при дворе вызвало некоторое разочарование. Согласно общему мнению, он далеко не оправдывал тех ожиданий, с которыми был встречен. Наружность графа не располагала в его пользу, его манеры вызывали недовольство.

Графиня Головина отзывалась о нем довольно негативно: «Никогда я не знала человека, обладавшего таким даром слез, как граф Шуазель, – пишет она. – Я помню еще, как он был представлен в Царском Селе: при каждом слове, сказанном ему Ее Величеством, его мигающие глаза наполнялись слезами. Сидя напротив Императрицы, он не спускал с нее глаз, но его нужный вид, покорный и почтительный, не мог вполне скрыть хитрость его мелкой души» [5, с. 96]. Таким образом, вначале Шуазель не имел успеха в придворном обществе. Но довольно быстро ему удалось рассеять возникшее против него предубеждение. Граф покорила Екатерину своим остроумием и разносторонними познаниями. Императрица стала относиться к нему с большей благосклонностью. Шуазель получил в подарок 2 000 рублей, такая же сумма была назначена ему в виде пожизненной пенсии. Сыновья его были приняты на военную службу. Старший сын впоследствии остался в России, был пожалован в камергеры Высочайшего Двора, женился на баронессе Тизенгаузен, а его дети стали русскими подданными.

Шуазель почти постоянно бывал при дворе, Екатерина любила беседовать с ним, и в обществе не замедлили признать, что первое впечатление было неправильным, и граф Шуазель обладает большими достоинствами. Шуазель занял прочное и вполне определенное положение при дворе и в петербургском свете. В вопросах, касающихся эмигрантов, его голос получил значительное влияние.

Маркиз де Ламбер был военным. В последние годы старого режима он дослужился до высоких чинов и пользовался во французской армии репутацией опытного и знающего генерала. Он эмигрировал в Германию в начале революции и состоял при герцоге Брауншвейгском во время первого похода коалиционных войск. После неудачного исхода кампании 1792 г. он через посредство Гримма предложил свои услуги Екатерине и был приглашен приехать в Россию. «Г. де Ламбер прибыл сюда недели две назад, – пишет Екатерина Гримму в марте 1794 г., – и доставил мне письма, которые вы ему поручили. Я видела его только два раза, но скоро я познакомлюсь с ним поближе. Картины, которые он привез, очень приятны» [13, с. 698]. Французские эмиг-

ранты нередко продавали в России принадлежавшие им художественные произведения, которые им удалось вывезти из Франции.

Маркиз де Ламбер был принят на русскую службу с чином генерал-поручика. Одно время он пользовался большим расположением императрицы, попав в число лиц, которым был открыт постоянный доступ ко двору. В противоположность большинству эмигрантов, он был человек малообщительный, державшийся несколько в стороне от своих соотечественников и редко появлявшийся в петербургских гостиных. Примерно год спустя после приезда маркиза де Ламбера в Россию на него было возложено весьма ответственное дипломатическое поручение. Императрица весной 1795 г. отправила Ламбера в Германию, поручив ему воздействовать на герцога Брауншвейгского, чтобы тот повлиял на прусского короля и убедил не подписывать мир с Францией. Поездка маркиза де Ламбера не увенчалась успехом. Он вел дневник и отправлял ей отчеты о положении дел, которые дают представление о настроениях эмигрантов и их планах [2].

В последние годы царствования Екатерины маркиз де Ламбер, подобно двум другим членам триумvirата, был удостоен пожалования землями. Ему было даровано 300 душ крестьян в окрестностях Нарвы. Маркиз скончался в 1808 году. Его сыновья навсегда остались в России и находились на российской службе, сделав успешную военную и политическую карьеру.

Рассматривая положение этих трех лиц – графа Эстергази, графа Шуазеля-Гуффье и маркиза де Ламбера, наиболее приближенных к императрицы из всех поселившихся в России французских эмигрантов и действительно пользовавшихся ее исключительным расположением, можно заметить, что они в ее царствование не несли в России никакой определенной государственной службы. Им время от времени давали то или иное поручение, их мнение иногда выслушивали по вопросам, касавшимся эмиграции, они могли оказывать покровительство тому или другому из своих соотечественников, но этим дело и ограничивалось. Деятельность данных лиц за редким исключением не выходила из сферы придворных отношений. Екатерине нравилось общение с этими остроумными собеседниками, умевшими приятно и легко касаться самых разнообразных предметов и

принесшими с собою на берега Невы утонченные манеры Версальского двора.

Что касается их роли в эмиграции, то первоначально Эстергази, как официальный представитель принцев при русском дворе, принимал большое участие в осуществлении политических идей и замыслов руководителей эмиграции, но в последние годы он отошел от политической деятельности, ограничиваясь, главным образом, своими личными и семейными интересами. Шуазель-Гуффье и Ламбер никогда не стремились выступать на неблагоприятном поприще эмигрантской политики. Но французские эмигранты, находившиеся при петербургском дворе, все же оказывали определенное влияние на императрицу. Все они, за исключением более умеренных Ришелье и Сен-При, были крайними роялистами, убежденными противниками любых преобразований и сторонниками восстановления королевской власти в полном объеме. Негативное отношение Екатерины II к французской революции еще более усиливалось от общения с ними. Через них она получила и достаточно точное представление о слабости роялистского движения, о неспособности братьев Людовика XVI объединить эмигрантов и о невозможности реставрации монархии во Франции без помощи извне. К концу правления для Екатерины II на первый план выходит идея общеевропейской монархической солидарности в борьбе с революционной угрозой. Летом 1796 г. она была готова направить русские войска для действий в составе первой коалиции, и только смерть императрицы в ноябре не позволила этим планам быть реализованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биографический справочник о французских монархистах-эмигрантах // ГАРФ. – Ф. 728. – Оп. 2. «Французская эмиграция». – Д. 317. – Л. 308.
2. Бумаги маркиза Ламберта // ГАРФ. – Ф. 728. – Оп. 2. «Французская эмиграция». – Д. 184. – Л. 1–69 об.
3. Вигель, Ф. Ф. Воспоминания : в 2 т. / Ф. Ф. Вигель. – М. : Изд-во Захарова, 2003. – 1360 с.
4. Герцог А. Э. Ришелье. Документы // Сборник императорского Русского исторического общества. – Т. 54. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1886. – 670 с.

5. Головина, В. Н. Мемуары / В. Н. Головина. – М. : Астрель : Люкс, 2005. – 448 с.
6. Дама, Р. Записки графа Рожера Дама / Р. Дама. – СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1914. – 100 с.
7. Ланжерон, А. Ф. Записки графа А. Ф. Ланжерона / А. Ф. Ланжерон // Русская старина. – 1895. – Т. LXXXIII. – Март. – С. 117–146; Апрель. – С. 145–177; Май. – С. 185–202.
8. Миллер, К. К. Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II / К. К. Миллер. – Париж : La Source, 1931. – 416 с.
9. Мнение императрицы Екатерины II касательно средств восстановления порядка во Франции // АВПРИ. – Ф. «Сношения России с Францией». – Оп. 93/7. – 1791. – Д. 878. – Л. 1–24 об.
10. Оболенский, М. Сенак де Мельян, французский эмигрант XVIII в. и его отношение к России / М. Оболенский // Русский Архив. – 1866. – Вып. 6.
11. О прекращении сообщения с Францией, по случаю происшедшего в оной возмущения и умерщвления Короля Людовика XVI : именной указ от 8 февр. 1793 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=2749725>. – Загл. с экрана.
12. Пискунова, Е. П. Деятельность герцога А.-Э. де Ришелье в России / Е. П. Пискунова // Власть. – 2010. – № 10. – С. 108–110.
13. Письма императрицы Екатерины II к Гримму // Сборник императорского Русского исторического общества. – Т. 23. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1878. – 737 с.
14. Храповицкий, А. В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй / А. В. Храповицкий. – М. : В/О Союзтеатр, 1990. – 304 с.
15. Esterhazy, V. comte de. Mémoires / V. comte de Esterhazy. – Paris : Libr. : Plon, 1905. – 407 p.
16. Esterhazy, V. comte de. Nouvelles lettres à sa femme (1792–1795) / V. comte de Esterhazy. – Paris : Libr. : Plon, 1909. – 396 p.
17. Forneron, H. Histoire générale des émigrés pendant la révolution française : in 3 vol. / H. Forneron. – Paris : Libr. : Plon, 1884–1890. – Vol. 2. – 458 p.
18. Pingaud, L. Les français en Russie et les russes en France / L. Pingaud. – Paris : Libr. académique Didier, 1886. – 482 p.
19. Saint-Priest, F.-E.-G. comte de. Mémoires / F.-E.-G. comte de Saint-Priest. – Paris : Libr. : Plon, 1929. – 408 p.
20. Vaudreuil, J.-F. Correspondance intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois pendant l'émigration (1789–1815) : in 2 vol. / J.-F. Vaudreuil. – Paris : Libr. : Plon, 1889. – Vol. 1. – 867 p.

FRENCH EMIGRANTS AT COURT OF CATHERINE II

E.P. Piskunova

The author presents the position of French emigrants at court of Catherine II and determines the degree of influence which they rendered to molding of the Russian policy with respect to the French Revolution.

Key words: *France, Russia, French Revolution, Catherine II, monarchy, emigration.*